

*Моей подруге Мишель,
с любовью*

Идите в ваши поля и сады, и вы увидите, что для пчелы — удовольствие собирать мед с цветка. Но и для цветка счастье — отдавать свою сладость пчеле. Для пчелы цветок — источник жизни, для цветка же пчела — вестник любви.

Халиль Джебран, «Пророк»

Пчела совершает «виляющий танец», чтобы передать своим товарищам в улье информацию о расстоянии до обнаруженного места сбора корма и направлении полета. Она «танцует» восьмеркой: делает полукруг по часовой стрелке, потом движется по прямой линии... и наконец делает второй полукруг против часовой стрелки.

Зимой пчелы перестают летать на поиски корма и собираются в клубок, в центре которого находится матка. Они вырабатывают тепло, работая летательными мышцами — «дрожая», то есть быстро сокращая и расслабляя эти мышцы.

Ричард Джонс и Шэрон Суини-Линч, «Библия пчеловода»

ЧАСТЬ 1

ЭЛИАН, 2017

Она знала, что это будет ее последнее лето. Даже теплое прикосновение ласкового майского солнца не могло побороть пронизывающую до костей усталость, которая теперь стала постоянной спутницей. Но ведь позади уже столько лет. Почти сотня. Она взглянула на вершину холма, в сторону маленького кладбища за виноградником, где лежали ее самые любимые люди. Они ожидали минуты, когда смогут ее приветить.

Рабочая пчела, одна из первых, отважившихся вылететь из улья этим солнечным утром, бестолково кружила в воздухе, пытаясь сориентироваться, чувствуя запах нектара в цветах, которые Элиан вырастила в саду. Пчела вилась вокруг нее, привлеченная запахами воска и меда, пропитавшими ее мягкую от старости кожу. «И тебе доброе утро, — улыбнулась она. — Не волнуйся, я пока еще вас не бросаю. Знаю, что впереди еще много работы».

Она опустила корзинку с рамками рядом с побеленными ульями, закрыла голову и плечи сеткой, прикрепленной к широким полям шляпы. Открыла первый улей, аккуратно сняв двускатную крышку, и склонилась ниже, чтобы проверить трутней: перед ней была беспокойная, жужжащая масса тел, суетящихся вокруг матки.

Запасов меда с лихвой хватило на зиму, и семья уже разрасталась.

Она вставила новые рамки в пустой ящик и разместила его над пчелами. «Ну вот, теперь есть место для пополнения, — обратилась она к пчелам. — И для нового меда».

Методично работая, она по очереди занялась каждым ульем. Потом остановилась разогнуть спину, заболевшую от поднимания ящичков с рамками. Перевела взгляд на изящно переплетенные листья акаций, отбрасывающие на ульи пятнистые тени, танцующие при любом ветерке. Со дня на день эти деревья посеребрят целый водопад цветочных бутонов, потом они распустятся и пчелы досыта напьются сладчайшего нектара. Акациевый мед будет золотым и сладким, как само лето.

Она улыбнулась про себя. Да, много летних сезонов уже позади. Прожить еще один будет подарком.

АБИ, 2017

Я потерялась. Потерялась во Франции, прямо как в дурацкой песне*, которая не выходит у меня из головы, пока я плетусь по дороге. Останавливаюсь на минутку, чтобы вытереть лицо рубашкой, уже насквозь мокрой от пота. Дорога тянется вдоль холма, круто обрывающегося с одной стороны. Должна признать, это не самое плохое место, чтобы потеряться. Передо мной простирается пейзаж из зеленых и золотых лоскутков полей, местами перемежающихся темным бархатом лесов. Широкая глянцевая лента петляющей реки окаймляет дно долины подо мной.

Тишина и покой на французском солнышке. Именно так я это и представляла, когда мы с Пру записывались на йога-ретрит. «Смотри, как раз то, что тебе нужно, Аби», — она помахала глянцевой брошюрой, когда мы в четверг убрали коврики и обувались после очередного вечернего занятия. — «Неделя весенней йоги, медитации и осознанности в самом сердце французской глубинки», — зачитала она.

Я не стала говорить, что последние пару лет едва заставляю себя выходить из квартиры, а дорога до места за-

* *Lost In France* — песня британской певицы Бонни Тайлер 1976 года.

нения йогой и обратно — самый дальний мой путь за многие месяцы. Конечно, не считая походов в больницу, где физиотерапевты и психологи пытаются помочь мне заново склеить себя по кусочкам.

Но мысль о ретрите была соблазнительной. Я всегда любила Францию. Хотя, скорее, ее образ; не могу сказать, что я много по ней путешествовала. Или по какой-то другой стране, если уж на то пошло. Однако французский был моим лучшим предметом в школе. Он хорошо мне давался. Я с удовольствием погружалась в удивительный мир маман, папа и Мари-Клод. В их милую, безопасную, упорядоченную жизнь, описанную в учебниках. К тому же я понимала, что сейчас должна больше стараться, чтобы вернуть жизнь в нормальное русло и начать чуть чаще выходить из дома. Я подумала, что, путешествуя с Пру, сделать это будет гораздо проще. С ней не соскучишься, и она всегда очень организована. Мы подружились за чашкойпряного чая с корицей, когда она присоединилась к нашей группе. Йога должна была помочь ей пережить развод. У нее хорошее чувство юмора, и она не болтает без умолку (что действовало бы мне на нервы), так что я решила, что она будет хорошей попутчицей, и согласилась. В тот же вечер она записала нас на ретрит и забронировала билеты на самолет, так что отказаться было уже нельзя, хотя мне отчаянно захотелось этого, как только она позвонила, чтобы подтвердить, что все в силе.

Да уж, буду теперь знать, как проявлять спонтанность. Такие мысли приходят мне в голову, когда я тащусь по горячему асфальту. Ничего хорошего она не приносит. Теперь вот я понятия не имею, куда иду. Вверх по холму от йога-центра, через виноградник — только на мой взгляд, один виноградник как две капли воды похож на другой.

Частичка меня все же вынуждена признать, что вокруг довольно красиво. Особенно эффектен этот золотой свет на завитушках сочных зеленых листьев, растущих из скрюченных, мертвых на вид плетей.

Но я не хочу, чтобы окружающая красота отвлекала меня от злости. Мне нужно дать моей ярости на Пру — вот так вот меня бросить! — поклокотать еще немножко. Мой психотерапевт была бы довольна. Она постоянно говорит, что гнев — часть процесса исцеления. И, по крайней мере, я хоть что-то чувствую. Хотя не факт, что это лучше, чем не чувствовать ничего.

Вот тебе и безмятежность с просветлением, обещанные в брошюрке ретрита. Тяжело ступая, я продвигаюсь еще немного вперед. Вообще-то, я знаю, что на самом деле не способна винить Пру. Многие люди поступили бы так же, будь у них хоть малейший шанс. Мысль о ванной и нормальной кровати, не говоря уже о симпатичном гибком голландце под боком, определенно соблазнительна. Я просто завидую; тем не менее у меня есть полное право на нее злиться.

Она познакомилась с ним в очереди в туалет, на второй день после обеда. Быстро работает наша Пруденс — не соответствует своему имени*, как я погляжу. По ее словам, они оба моментально почувствовали какую-то связь. «Родственные души» — так она выразилась, плюхнувшись рядом со мной за обедом.

— Связь, основанная на синхронном желании пойти в туалет после тарелки острого чечевичного рагу? Не очень-то эмоционально, — бросила я, не в силах сдержаться.

Пру проигнорировала мой выпад.

* В переводе с латинского Пруденс означает «благоразумие», «осмотрительность».